

Казым и манси¹

Топонимы бассейна Казыма в основной своей массе имеют хантыйское происхождение и отражают освоение этой территории ее коренным населением – казымскими ханты, причем большое число местных названий следует отнести к достаточно поздним по времени их появления.

Казымский топонимический материал, несущий разнообразную информацию о жизни самих ханты, является ценным источником сведений и об этнических контактах на Казыме – как имевших место в прошлом, так и продолжающихся в наши дни. Участниками этнического взаимодействия в казымском регионе стали ханты, ненцы, коми, манси и русские.

Количество манси на исследуемой территории никогда не было значительным. Так, статистические данные XIX–XX вв. свидетельствуют, что в 1897 г. в Казымской волости числилось 15 манси; кроме них – 1331 хант, 467 ненцев, 9 русских²; в 1969 г. в Березовском районе на Нижней Оби и Казыме (территория Полноватского и Казымского сельсоветов) было 78 манси, в том числе в Полноватском сельсовете – из 615 семей 11 семей манси, в Казымском сельсовете из 440 семей 3 семьи манси³. По сведениям на 1 января 1999 г. в с. Полноват проживает 69 человек манси, в с. Казым – 1 человек (материалы администрации с. Полноват и с. Казым).

Немногочисленные манси, проживающие в хантыйском окружении, не могли оказать какого-либо существенного влияния на формирование казымской топонимической системы, поэтому топонимы мансийского происхождения в ней, можно сказать, не представлены, если не считать три неясных примера:

1. Амня, р., лев. приток Казыма, хант. *amña, a'mña jöxan*. Ср. более ранние фиксации: «р. *АмА*.»⁴; «рч. Амья, по-остячки *Amdje*- или

---

¹ Работа выполняется при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 98–04–06072а).

² Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М., 1983. С. 25.

³ Соколова З.П. Современное культурное развитие и этнические процессы у обских угров // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. М., 1985. С. 99–100.

⁴ Ремезов С.У. Хорографическая чертежная книга 1697. Л.118 // The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov. Facsimil edition with an introduction by Leo Bagrov. – Imago mundi. Supplements's Gravenhage, 1958.

Amnje-jogan⁵»; «Amia Fl.» (Fischer 1768, карта⁶). По данным переписи 1897 г. фиксируются «Амьинские юрты при рч. Амье»⁷, в других источниках юрты называются Амьинские и Амнинские, этот последний вариант впоследствии стал более употребительным, но в справочнике АТДТО 1952 г. отмечается «Амынья, Амыя, селение».

Топоним Амня не имеет убедительной этимологии, как и другие названия крупных притоков Казыма. В этом, по всей вероятности, не хантыйском названии (? *aməŋ ja, *ami ja) можно выделить мансийский детерминатив ja 'река' и предшествующий ему компонент неясного происхождения.

2. Няльваркурт, название юрт по р. Амня. Топоним известен в картографической форме. Первый его компонент, по мнению М.А.Тяботова, может быть мансийским словом няль 'слопец'⁸ (+ хант. вар 'запор' + хант. курт 'юрты' – таким образом, получается гибридное мансийско-хантыйское название «Слопцовые запорные юрты»). Но слопец на Казыме всегда называют по-хантыйски: səsɪ. При полевой проверке этой картографической формы выяснилось, что объект обычно именуется War kqrt («Запорные юрты»), компонент няль некоторые информанты с большим сомнением соотносят с хант. пӓл 'четыре'.

3. Хотынг янкалма, название большого болота на правом берегу Казыма, выше устья реки Сорум. Топоним отмечен на карте, но неизвестен современному казымскому населению. Местные жители видят в первом компоненте названия хант. χōtəŋ 'лебедь' или χotəŋ 'с домами' (имя обладания от χot 'дом'), второй компонент пытаются разделить на две части: jeŋk kal 'ледяное болото'. Между тем янкалма – мансийское слово со значением 'болото': сев. манс. jāŋkəlma⁹, буквально из якукл 'болото, тундра' + ма 'земля, место, страна'¹⁰. Но это слово не употреб-

⁵ Миллер Г.Ф. Описание низовьев реки Оби и впадающих в Обь рек от места ее разделения на Большую и Малую Обь: Из устных известий 1740 г. Л. 48 // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. История Сибири. Первоисточники. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. Вып. 6. С. 250.

⁶ См.: Radomski R. Orsnamen des ostjakischen Wohngebietes. Zusammengestellt und bearbeitet von Rosemarie Radomski / Ars Ob-Ugrica. München, 1994. Bd 11. S. 46.

⁷ Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 2 // Зап. ИРГО по отд. статистики. СПб., 1911. Т. 11, вып. 2. С. 28.

⁸ Тяботов М.А. Словарь русской транскрипции слов, встречающихся в хантыйских географических названиях. Приложение к дис. ... канд. геогр. наук: Совершенствование содержания топографической карты масштаба 1:10000 нефтегазоносных районов Северо-Западной Сибири. М., 1975. С. 104.

⁹ Munkácsi - Kálmán. Wogulisches Wörterbuch gesammelt von Bernát Munkácsi, geordnet, bearbeitet und herausgegeben von Béla Kálmán. Budapest, 1986. S. 148.

¹⁰ Баландин А.И. Самоучитель мансийского языка. Л., 1960. С. 195, 207.

ляется на Казыме, поэтому не исключено, что данный топоним мог быть создан картографами.

И все же проблема «Казым и манси» существует и заслуживает самого пристального внимания, так как она имеет непосредственное отношение к этнической истории казымских ханты, которые, строго говоря, не являются древнейшим населением Казыма и сформировались как этническая территориальная группа достаточно поздно.

Как было установлено З.П. Соколовой, мансийский компонент прослеживается в составе хантыйского населения Казыма и представлен фамилиями местных жителей¹¹. Тесные мансийско-хантыйские связи на Казыме выявляются и по данным фольклора¹².

Некоторые современные этно- и антропотопонимы Казыма также непосредственно связаны с историей формирования этнической группы казымских ханты и с историей их культурных традиций, имеющих много общего с северномансийскими. Обратимся к их рассмотрению.

Топонимы с компонентом *вõхал'*

Вõхал' пõхэт «Вогульская (Вогалевская) протока» -- по р. Казым, выше устья р. Амня. Та же протока или часть (поворот) основного русла Казыма называется **Вõхал' жõхәп** «Вогульская (Вогалевская) река», там же находится рыболовный песок **Вõхал' жõхәп рәп** «Песок Вогульской (Вогалевской) реки», а неподалеку – четыре маленьких озера **Вõхал' пәлһәт** «Вогульские (Вогалевские) озера». По сообщениям информантов, когда-то там рыбачили *манси (вогулы)*, по фамилии **Вогалевы**: «Вогулы жили раньше, рыбачили когда-то давно» (Тарлин С.Е. 1989, Амня); «Прямо в Казыме [т.е. в с. Казым. – Т.Д.] жили манси, в Кислоре жили Вогалевы» (Ерныков А.А. 1992, Казым). Другие считают, что **вõхал'** – «кличка» живших в этих местах обских *хантов* (Тарлин С.Т. 1999, Амня).

Вõхал' кәрт, бывш. селение (юрты) на прав. б. р. Лыхма выше устья р. Вош пай ёхан (другое название этих юрт – **Кәт ләг күт кәрт** «Селение между двумя озерами»). Рядом находится озеро **Вõхал ләг**. Оба топонима связывают с фамилией *ханты*: говорят, что здесь жили ханты **Во-**

¹¹ См.: Соколова З.П. Загадка Юильского городка // Сов. этнография. 1977. № 4. С. 129–138; Она же. Современное культурное развитие и этнические процессы у обских угров. С. 93–120; Она же. Некоторые аспекты формирования казымской группы хантов // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири: Сб. науч. тр. Кемерово, 1986. С. 71–78; Она же. Легенды Вуг-Ими. Путешествие по Оби и ее притокам к хантам и манси // Югорские россыпи. Сургут, 1993; и др.

¹² См.: Соколова З.П. Загадка Юильского городка, Она же. Легенды Вуг-Ими; Шмидт Е. Максим Никилов и Антон Регули. Рукопись доклада (прочитан 27.06.1994 г. в г. Ханты-Мансийске на конференции, посвященной А.Регули)

галевы, но говорили они *по-мансийски*: «Они как манси говорили. Деревня была хантыйская» (Федотов Л.Я. 1989, Полноват).

Wõxal' jox læg «Озеро народа *woxal*», иначе Wõxal' joxlæŋ læg «Вогульское (Воголевское) Юхлымовское озеро» – по лев. б. р. Атым ёхан, 5–6 км выше устья. В этих местах были угодья мозямского ханты Терентия Андреевича Юхлымова (жил в Полновате, умер в 1991 или 1992 г.), отсюда в топониме компонент joxlæŋ – родовое имя, от которого образована фамилия Юхлымов, – букв. «с луком», «имеющий лук» т.е. «стрелец». В формах Ехлым, Ехлымков этот антропоним фиксируется еще в XVII в., фамилия Ёхлингов, реадaptированное joxlæŋor (DEWOS 1702).

Компонент wõxal' в составе рассматриваемого топонима – очевидно, прозвище или фамилия родственников Т.А. Юхлымова или прозвище его самого.

По преданию, Воголевы (Воголевы) переехали на Казым с Сосьвы. Например, рассказывают об одном из мозямских Воголевых родом с Сосьвы, который имел прозвище tütæŋ juwan «Огненный Иван». Это был незаурядный человек, умевший лечить людей и однажды в тундре сделавший сам себе операцию. В 1936 г. он подвергнулся репрессиям – видимо, во время кампании по борьбе с шаманами, – но потом был отпущен (сообщение С.И.Юхлымова, крестника «Огненного Ивана». 1993, Белоярский).

Представителей фамилии Воголев на Казыме нет, по всей видимости, уже около полувека: в 30-е гг. ее в форме *woxaler* фиксирует В. Штейниц у жителя казымской деревни Кислор (DEWOS 1739); в те же 30-е гг. отмечена форма **Воголев** – фамилия жителя юрт Кислорские, Кейслорские [= Кислор] и Выргымские, в юртах по р. Табор-еган [= Тапры ёхан] и по р. Лыхы [= Лыхма] (Касум-Ёх. 1993, 49); в 40-е гг. **Воголевы** еще жили в нескольких юртах по Лыхме (сообщение Е.Н. Юхлымовой. 1999, Полноват), но в 50-е гг., по сведениям З.П. Соколовой, эта фамилия уже не встречается в казымских селениях¹³. Между тем она была известна в конце XVIII–XIX в. среди других фамилий в Кунларских (совр. = Хуллорских), Чуильских и Выргымских юртах Казымской волости: по данным метрической книги 1794 г. в Кунларских юртах – 18 человек в одном хозяйстве; в Чуильских юртах – 14 человек в одном хозяйстве; в Выргымских юртах – сведений по XVIII в. нет, но отмечен один брак с носителем этой фамилии в первой половине XIX в. и один во второй половине XIX в.¹⁴

¹³ Соколова З.П. Страна Югория. М., 1976. С. 30.

¹⁴ Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. С. 176, 177, 180.

Происхождение фамилии **Вогалев (Воголев)** проливает свет на историю формирования этнической территориальной группы казымских ханты и объясняет приведенные выше противоречивые толкования относительно этнической принадлежности ее носителей. Она связывается с именем **Вогаль**¹⁵ или, что более точно, с этнонимом **wǒħal'**, обозначающим на казымском диалекте «манси из деревень по Сосьве, Ляпину, Лозье и некоторых деревень по Оби» (DEWOS 1575), что соответствует рус. **вогул**.

В свою очередь, этноним **вогул**, прослеживающийся с 1396–1397 гг. («вогуличи»), соотносят с названием левого притока Северной Сосьвы – реки Вогулки (название Вогулка известно с XVIII в.), которую северные ханты называют **Wǒħal' jǒħaŋ** (Kaz. – DEWOS 1575), **Oyal-joŋan**¹⁶, а северные манси именуют **Vǒl'-jä**¹⁷.

Наряду с этим, как пишет П. Хайду, мансийское **wǒl'** фигурирует в названиях других речек и имеет нарицательное значение 'плес, прямой участок течения между двумя поворотами'. Таким образом, название **вогул**, которым сами манси не пользуются, произошло, очевидно, из обозначения мансийского населения, жившего по берегам подобных речек, плесов. Хантыйские этнонимы – (юж.) **wǒħat'**, (сев.) **ǒħal' ~ wǒħal'** – употребляются в значении 'манси', 'манси с одной из рек бассейна Оби' и, очевидно, восходят к более раннему словосочетанию **wǒħal' ħuj** 'человек с Вогулки'¹⁸. Употребление русского слова **вогул** могло способствовать этому, равно как и распространение этнонима **vakul'**, **vakul** в коми языке (по Ф.И. Видеману). Последний, возможно, является русским заимствованием и в нашем столетии, вероятно, уже устарел¹⁹.

Существуют и другие версии. Например, А. Регули, ссылаясь на А.Х. Лерберга, описывает ситуацию таким образом: «Зыряне, хотя и называют вогулов **jǒgra-jaš**, т.е. народом **jǒgra**, но познакомившись с вогулами прежде всего в окрестностях **Vogul-ja**, которая впадает в Сыз-

¹⁵ *Соколова З.П.* Страна Югория. С. 30. Ср. также: Вогаль – по исповедной росписи метрической книги 1794 г., сын вдовы Емвруевой в Шурышкарских юртах Обдорской волости (*Соколова З.П.* Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. С. 184).

¹⁶ *Papay J.* Nyelvezeti tanulmányutam az éjszaki osztjások földjén // Budapesti Szemle Nr. 345(1905). P. 364.

¹⁷ *Munkácsi – Kálmán.* Wogulisches Wörterbuch gesammelt von Bernát Munkácsi, geordnet, bearbeitet und herausgegeben von Béla Kálmán. Budapest, 1986. S. 732a. См. также: *Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985. С. 36; *Radomski R.* Ortsnamen des ostjakischen Wohngebietes. S. 464.

¹⁸ *Хайду П.* Уральские языки и народы. С. 36–37. См. также DEWOS 1575.

¹⁹ *Хайду П.* Уральские языки и народы. С. 37.

ву, их называли **vagol** или **vogul** народом... Этноним попал к русским и другим западным народам»²⁰.

Цитируя того же А.Х. Лерберга, А.А. Дунин-Горкавич пишет, что вогулы («вогуличи») являются «ближайшими родственниками обских остяков: поэтому как самих себя, так и упомянутых остяков они называют **манси**. Название **вогулы** они получили от русских через зырян, которые называют их **вагол**, вероятно, по тем племенам этого народа, кои жили частью на Вогульи, впадающей в Сыгву» (по мнению А.А. Дунина-Горкавича – по всей вероятности, это «нынешняя река Волья, впадающая в р. Сосву, а не в Сыгву»), «частью на Вогулке, впадающей в Обь у Березова» («не в Обь, а в ту же р. Сосву», – поправляет А.А. Дунин-Горкавич)²¹.

В.Н. Чернецов считал, что в основе русского названия **вогул**, которое в ранних источниках преимущественно относится к северноприуральской территории²², лежит манс. **выкли** (**wikli**) или хант. **вокыл** (**wokəl**), встречающееся в эпических и исторических преданиях обских угров. Упоминаются в них и военные стычки с «Из-за Урала (т.е. с западной стороны)-Приходящими-Выкли»²³. Данный этноним В.Н. Чернецов связывал с обособленной группировкой древнего угорского населения Северо-Западного Приуралья эпохи бронзы²⁴.

Топонимия обско-угорского типа тоже встречается в Северном Приуралье, но, по мнению А.К. Матвеева, трудно установить, с кем были связаны по происхождению эти приуральские угры – с обскими уграми или с какой-то особой угорской группировкой²⁵.

Разделяя точку зрения В.Н. Чернецова, З.П. Соколова уточняет: коми-зыряне, а вслед за ними русские в первую очередь познакомились с манси, поскольку они жили западнее, чем ханты. Сначала они называли их **югрой**, а с XIV в. появился термин **вогуличи**, **гогуличи**, вероятно, от самоназвания группы **выкли**²⁶.

²⁰ *Lehrberg A. Untersuchungen zur Erläuterung der ältesten Geschichte Russlands. St. Petersburg, 1816. A¹. S. 22, 23; Vogul Föld és Nép. Reguly Antal Hagymányaiból. Kisdolgosta Hunfalvy Pal. Pest, 1864. P. 74.*

²¹ *Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: В 3 т. Тобольск, 1911. Т. 3. С. 10. См. также: Лерберг А.Х. О Югрии: Исследования, служашие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819. Т.4. С. 18–19.*

²² См.: Житие святого Стефана Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Изд. Археол. комиссии СПб., 1897.

²³ *Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // Археология СССР: Свод археол. источников. М., 1971. Вып. В 4–12(2). С. 58.*

²⁴ Там же. Ср.: *Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. С. 98–101.*

²⁵ См.: *Матвеев А.К. О древнейших местах расселения угорских народов // Учен. зап. Пермск. ун-та: Тр. Камск. археол. экспедиции. Пермь, 1968. № 191. С. 142.*

²⁶ См.: *Соколова З.П. Страна Югория. С. 49–50.*

Известно, что по Вогулке и Ляпину (Сыгве), как и в других районах бассейна Северной Сосьвы, жило и хантыйское население. Считается, что в XVII–XVIII вв. Северную Сосьву и Ляпин населяли ханты, которых затем вытеснили мигранты манси²⁷. Еще в XVIII в. население здесь было смешанным, хантыско-мансийским: ханты Северной Сосьвы и Ляпина ассимилировались пришельцами – манси с Сосьвы, Вишеры, Конды, Пелыма. Этот процесс закончился, вероятно, только в XIX в. В результате сформировалась этническая группа северных, ляпинско-сосьвинских манси²⁸.

По мнению Е.П. Мартыновой, в формировании северных манси принимали участие не два, а три этнических компонента: древнехантыйский (оронтурско-китусовский), северный приуральский (связанный с охаль) и мансийский, пришедший с юго-запада²⁹.

Однако и в середине XIX в. по Ляпину (Сыгве) еще жили ханты. Уникальным письменным памятником их языка являются 80 авторских листов остяцких героических песен – потрясающий репертуар, записанный на северном (березовском, ляпинском) диалекте в 1844 г. Анталом Регули от знаменитого певца из сыгвинской (ляпинской) деревни Хорумпаул Максима Никилова, предки которого были выходцами из Ахтас-ус (Искарских юрт, позже = Яныг-пауль), с верховий Северной Сосьвы³⁰.

Об особой этнической ситуации на Вогулке и Ляпине сообщали различные исследователи. Так, в 1899 г. Й. Папай, занимаясь расшифровкой наследия Регули, побывал в истоках Вогулки и обнаружил, что там «вогулы и остяки живут не только по соседству, но и, так сказать, вместе, большинство понимает оба языка»; его информант из селения Вошпиртым-корт сам ясно не представлял, «манси он (вогул) или ханды (остяк), с детства он говорит на обоих языках одинаково хорошо»³¹. Поэтому, вероятно, вовсе не случайно манси, живших по Северной Сосьве

---

²⁷ См.: *Бабаков В.Г.* Манси // *Вопр. истории.* 1973. № 4. С. 214–215; *Соколова З.П.* Ляпинско-сосьвинская группа манси по материалам брачных связей в XVIII–XIX вв. // *История, археология и этнография Сибири.* Томск, 1979. С. 120, 123; *Мартынова Е.П.* Очерки истории и культуры хантов. С. 98.

²⁸ См.: *Соколова З.П.* Загадка Юильского городка С. 136; *Она же.* Ляпинско-сосьвинская группа манси по материалам брачных связей в XVIII–XIX вв. С. 120, 123. *Она же.* Обские угры (ханты и манси). С. 29–33.

²⁹ *Мартынова Е.П.* Очерки истории и культуры хантов. С. 100.

³⁰ См.: *Папай Й.* Божество слова. Памяти Ангала Регули / Пер. с нем. Н.В. Лукиной // *Югорские россыпи.* Сургут, 1993. С. 47–52; *Шмидт Е.* Максим Никилов и Антон Регули.

³¹ *Папай Й.* Божество слова. С. 47.

и Ляпину, в русских документах конца XIX в. называли остяками, а не вогулами³².

Однако и манси, и ханты, жившие по Вогулке, да и в других местах бассейна Северной Сосьвы, могли именоваться *wõxal'* или *õxal'*. Это подтверждается полевыми материалами Е.П. Мартыновой: нижеобские (шурышкарские) ханты рассказывают о народе *охаль* и идентифицируют его либо с сосвинскими манси, либо с ханты, живущими по Северной Сосьве, а также с ляпинскими манси либо с ханты, проживающими по Ляпину. При этом *охаль* связывают не столько с современными манси, сколько с более ранним населением бассейнов Ляпина и Северной Сосьвы, знавшим хантыйский язык. Е.П. Мартынова отмечает, что *охаль* вошли как этнический компонент и в состав северных хантов³³.

Вопрос о переселении манси и хантов из бассейна Северной Сосьвы (с Ляпинско-Сосьвинской территории) на Казым изучен З.П. Соколовой. В частности, анализируя данные метрических книг XVIII–XIX вв., она обратила внимание на сходство большого числа фамилий казымского и ляпинско-сосвинского населения и объяснила его миграционными причинами. По сведениям З.П. Соколовой, материал указанных источников свидетельствует, что из 98 фамилий в Казымской волости 42 имеют аналогии среди хантыйских (чаще всего) и мансийских фамилий различных регионов, в том числе большое число одинаково звучащих фамилий встречается среди казымских хантов, ляпинских и сосвинских манси³⁴.

В качестве иллюстрации приведем лишь некоторые соответствия из данных, опубликованных З.П. Соколовой³⁵.

№ стр.	Фамилия	Волость, юрты	Число хозяйств и жителей по сведениям метрической книги 1794 г.
171	Вандымов	Ляпинская волость, Юильский городок	1 хоз-во, 5 жит.
178		Казымская волость, Памытские юрты	1 хоз-во, 17 жит.
175	Влажемов	Сосьвинская волость, Тоболдинские юрты	2 хоз-ва, 18 жит.
178	Влаземов	Казымская волость, Памытские юрты	1 хоз-во, 16 жит.
173	Емылев	Сосьвинская волость, Вышминские юрты	1 хоз-во, 5 жит.

³² См.: Соколова З.П. Легенды Вут-Ими. С. 50.

³³ Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. С. 98–99, 100.

³⁴ Соколова З.П. Загадка Юильского городка. С. 135–136.

³⁵ Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Приложение: табл. 1,2,3,6. С. 167–180, 194.

177		Казымская волость, Кунларские юрты	Сведений о числе хоз-в и жит. нет, но отмечены 2 брака в XVIII в., 5 браков в первой половине XIX в.
170	Нигылев	Ляпинская волость, Хорымпаульские юрты	3 хоз-ва, 41 жит.
168		Ляпинская волость, Кугинские юрты	1 хоз-во, 9 жит.
177		Казымская волость, Мазьянские юрты	1 хоз-во, 5 жит.
194		Подгородная волость, Менгитнельские юрты	1 хоз-во, 5 жит.
173	Тасманов ³⁶	Сосьвинская волость, Искарские юрты	Сведений о числе хоз-в и жит. нет, но отмечено 12 браков во второй половине XIX в.

Среди причин ухода манси и ханты Ляпина и Сосьвы на северо-восток, в низовья Оби, называют их бегство от массовой христианизации в начале XVIII в.³⁷ Однако и в XVII в. в результате переселения с 1629 по 1695 г. население на Казыме увеличилось со 137 до 235 ясачных плательщиков³⁸.

Миграции с запада на восток происходили и до XVII в. Вероятно, представители этой же, ляпинско-сосьвинской этнической группы – манси и ханты или смешанное ханты-мансийское население – принимали участие в создании известного хантыйского укрепленного селения на Казыме – Юильского городка, который, по мнению З.П. Соколовой, мог быть построен в XV–XVI вв.³⁹

Ясачное население Казымской волости было хантыйским. Появлявшиеся здесь манси-переселенцы – а миграции продолжались в XIX и даже в XX вв.⁴⁰ – оказывались в хантыйском окружении и подверглись сильному хантыйскому влиянию настолько, что некоторые из них стали считать себя хантами. Так, например, жители села Полноват с мансийскими фамилиями Сайхановы, Ромбандеевы, Санбиндаловы, а также Казымского сельсовета Тасмановы, Хандыбины в Похозяйственных

³⁶ Ср. Тасманов – современная фамилия жителя д. Амня Казымского сельского Совета. Д.Н. Тасманову около 60 лет, он уроженец бывшего казымского селения Кислор (хант. Кел'šeη лог), считает себя ханты. На Казыме говорят, что Тасмановы – фамилия мозямских и кислорских ханты, а Тасмановы, живущие по Сосьве – это манси.

³⁷ Соколова З.П. Загадка Юильского городка. С. 136.

³⁸ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Тр. Ин-та этнографии: Новая серия. М., 1960. Т. 55. С. 65.

³⁹ Соколова З.П. Загадка Юильского городка. С. 136, 138.

⁴⁰ Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. С. 25.

книгах (сведения 1969 г.) числятся хантами⁴¹. При этом случается, что дети родителей манси записываются как ханты. Так, например, произошло с детьми жителя Полновата Ивана Яркина⁴².

Носители казымской фамилии **Вогалев**, восходящей в хантыйскому этнониму или антропониму **wǒxalʹ, ǒxalʹ**, по всей вероятности, могли быть такими же ассимилированными хантами манси.

Данные фольклора подтверждают влияние манси на историю казымских хантов. В этом отношении очень показательна сказка о женщине-богатырке из Няксимволя (В.Н. Чернецов записал ее у верхнесосьвинских манси в 30-е гг.⁴³). В сказке говорится, что Вут-Ими, Великая Казымская женщина, пришла на Казым с верховий Северной Сосьвы и что она – предок казымских хантов. По легендам, Казымская богиня, дочь Торума, родилась на верхней Сосьве, потом переехала в окрестности Обской губы, отсюда поднялась вдоль Оби и Казыма и поселилась в его верховьях⁴⁴. По справедливому замечанию Е.Шмидт, места в верховьях Казыма, где берут начало также Надым, Пим и Тромъеган, являются зоной точно такой же центральной функции, что и прародина Казымской женщины – район, который «ввиду своего географического расположения всегда играл важную роль независимо от того, в каком этническом составе жило на нем обско-угорское население... Это не только территория источников рек (Конды, Пельма, Северной и Малой Сосьвы), но одновременно и истоков этнической жизненной силы, духовности, которая постоянно возобновляет культуру». Северная, верхнесосьвинская часть манси, которая «уже несколько столетий тому назад начала распространять свои тенденции на северо-восток», оказала немалое влияние на историю хантов. «Иллюстрацией этому может служить путь Казымской богини»⁴⁵.

Тузин и Ёрла

В свете всего изложенного выше большой интерес представляют сведения, связанные с культом Казымской богини, приводимые в ком-

⁴¹ Соколова З.П. Современное культурное развитие и этнические процессы у обских угров. С. 100.

⁴² Соколова З.П. Легенды Вут-Ими. С. 49.

⁴³ См.: Мифы, предания, сказки хангов и манси / Сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной. М., 1990. С. 388–400.

⁴⁴ См.: Соколова З.П. Легенды Вут-Ими. С. 73–77; Она же. Загадка Юильского городка. С. 136–137; Молданов Т.А. Историческое и современное деление казымских хантов на различные группы по данным фольклора и современным представлениям // Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: исторический опыт и современность. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Тобольск, 1995. С. 75–78.

⁴⁵ Шмидт Е. Максим Никилов и Антон Регули.

ментарии Т.А. Молданова к одной из вышедших в последнее время публикаций фольклорных текстов казымских ханты⁴⁶. Оказывается, что, согласно традиции, хранителям Казымской богини Касум-ими, духа-покровителя реки Казым, – Молдановым и Сенгеновым запрещалось варить мясо животных, приносимых в жертву Касум-ими, это должны были делать люди с Сосьвы. Поэтому, как гласят предания, жители верховий Казыма специально ездили на Сосьву и оттуда привозили двух «поваров». Одним из таких «поваров» являлся Василий Тузин, отец известного казымского сказителя Тимофея Васильевича Тузина, выходец с Сосьвы, приблизительно 1870 г. рождения, который «по всей вероятности, имел мансийскую фамилию Пузин» (автор не поясняет, на каком основании выдвигается такое предположение. – Т.Д.). Впоследствии «поваром» был и сам Тимофей Васильевич, знавший много мифов, преданий, песен⁴⁷.

Трудно сказать определенно, был ли приехавший с Сосьвы «повар» Тузин действительно манси, но его сосьвинское происхождение не вызывает сомнения: ср. название одного из селений на Малой Сосьве – юрты **Тузингорские**, или **Тузингорт**, фиксируемые с XVIII в.⁴⁸

Возможно, такими же переселенцами с Сосьвы были жители Памытских (= совр. Помутских) юрт Казымской волости, имевшие фамилию **Тозины**: в 1794 г. – 1 хозяйство, 2 жителя⁴⁹.

Тузин Тимофей Васильевич и его брат Кирилл Васильевич были родными братьями бабушки Петра Дмитриевича Аликова, одного из моих лучших информантов, помутского ханты, живущего в деревне Юильск – самом верхнем хантыйском селении по Казыму. Петр Дмитриевич убежден, что Тузины «были чисто ханты» и утверждает, что «раньше их фамилия была не Тузины, а Сенгеповы» (Аликов П.Д. 1992, Юильск, 1999, с. Казым).

По сведениям других информантов, Тузины «со стороны Сургута приехали» (Рандымов Ив. П. 1992, Казым), «родством к кельсиюгановским относились» (Ерныхов А.А. 1998, Казым). В этой связи важно, что уголья Сенгеповых и теперь находятся по реке Кельси ёхан.

Тузины жили на правом берегу Казыма, по речке, название которой связано с их фамилией **Тузин** (других Тузиных на Казыме не было) и с их прозвищем или родовым именем **Ёрла**. Обоих братьев Тузиных уже нет в живых, но память о них сохраняется в местных топонимах:

⁴⁶ Молданов Т.А. Кань кунш озаң (публикация мат-лов Ханты-Мансийского окружного научно-фольклорного фонда). Ханты-Мансийск, 1997. Вып. 1.

⁴⁷ Там же. С. 141–142.

⁴⁸ Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. С. 205; Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: В 3 т. Тобольск, 1910. Т. 2. С. 292–293.

⁴⁹ Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. С. 179.

– речка, правый приток Казыма, по которой были угодья Тузиных, называется **Tuzin aj jǒxaŋ** «Маленькая река Тузина», и она же – **Jorla aj jǒxaŋ** «Маленькая река Ёрлы», **Jorla jǒxaŋ** «Река Ёрлы»;

– в верховьях этой речки есть озеро **Tuzin aj jǒxaŋ лэг** («Озеро маленькой реки Тузина») = **Jorla jǒxaŋ tǐj лэг** («Озеро вершины реки Ёрлы») = **Jorla лэг** («Озеро Ёрлы»);

– там же находится бор **Tuzin jǒxəm** («Бор Тузина») и была изба **Tuzin aj jǒxaŋ kǒrt** («Изба маленькой реки Тузина») = **Tuzin ĩki kǒrt** («Изба старика Тузина») = **Tuzin kǒrt** («Изба Тузина»);

– в нижнем течении речки есть озеро (старица) **Tuzin wǒri** («Старица Тузина») и стояла вторая изба **Tuzin aj jǒxaŋ kǒrt** = **Tuzin ĩki kǒrt** = **Tuzin kǒrt**.

По рассказам моих информантов, «их двое и было Тузиных, всю жизнь с братом там и жили» (Молданов М.Т. 1992, Юильск); «Тузин – это ихняя фамилия, по-хантыйски Ёрла» (Ерныхов А.А. 1992, Казым).

Происхождение имени Ёрла не установлено. Возможно, что этот антропоним восходит к хант. казым. **jǒrli** «ведущий себя просто, не гордо» – от **jǒg** «гордость, высокомерие» (DEWOS, 401) + суффикс обладания, отсутствия признака **-li**⁵⁰.

В архивных документах 1930-х гг. упоминаются охотники Тузин Тимофей Васильевич и Тузин Василий Петрович [его отец? – Т.Д.], имевшие оленей в районе юрт **Оуспаленкурт**⁵¹. По полевым данным, это юрты **ǒwəs pələk kǒrt** – «Селение с северной стороны», они находились на правом (северном) берегу Казыма, напротив устья р. Вон вош ёхан (**Won wǒš jǒxaŋ**), недалеко от устья (ниже) уже упоминавшейся речки **Tuzin aj jǒxaŋ** или **Jorla jǒxaŋ**, что является еще одним свидетельством проживания Тузиных именно в этом районе Казыма – связанном, как уже говорилось, с культом Казымской богини, духа-охранительницы реки Казым.

Легенда о деревне Чуели

В связи с историей заселения Казымского края выходцами с Сосьвы нельзя не вспомнить легенду о возникновении деревни Чуели. В легенде говорится, что предки хантов Куриковых, основавших это селение, во время великого потопа – «Святой воды» (**ǵeməŋ jǐŋk**) спустились на плотах с Сосьвы на Обь:

⁵⁰ Русская Ю.Н. Самоучитель хантыйского языка. Л., 1961. С. 52, 164.

⁵¹ Касум-Ёх: Мат-лы для обоснования проекта этнической статусной территории/ Ханты-Мансийск: НИИ соц.-экон. и нац.-культ. возрождения обско-угорских народов. Тобольск: Этногр. бюро, Шадринск, 1993. С. 53.

«Святая вода когда была, на плотях две семьи были, спускались с Сосьвы, пристали к березовой гриве на Малой Тоготской Оби, там остановивались сначала, потом уже переехали туда, где основали деревню Чуели. У них из налимьей кожи были полога, к ним ящерицы на плоты залезали, в этих пологах и спасались. Ведь кругом вода была, им деваться было некуда» (Куриков С.С. 1995, Полноват).

Аналогично в преданиях шурышкарских и березовских ханты: считается, что шурышкарские Кандыгины, Пронькины, Сайнаховы, Шьяновы, березовские Себуровы ведут свое происхождение от *охаль* и что во время священного потопа (емэн йинк) их «принесло водой» с Северной Сосьвы на Обь, где они и обосновались⁵².

Так как фамилия Куриков известна и среди сосвинских манси, возможно, что переселенцами с Сосьвы, основавшими деревню Чуели, были манси, впоследствии ассимилировавшиеся в хантыйской среде, или всё те же *вбухал'*, сыгравшие свою роль в этногенезе и хантов и манси.

В дополнение в вышеприведенной таблице фамилий обских угров в XVIII–XIX вв. приведем следующие сведения:

№ стр.	Фамилия	Волость, юрты	Число хозяйств и жителей по сведениям метрической книги 1794 г.
173	Куроков	Сосьвинская волость, Искарские юрты	5 хоз-в, 48 жит.
174	Куроков	Сосьвинская волость, Нильдинские юрты	1 жит.
180	Курыков	Казымская волость, Чуильские юрты	1 хоз-во, 5 жит.

Интересно, что по данным переписи 1897 г. в юртах **Чуильских**, где тогда было 13 хозяйств, проживали остяки (35 мужчин, 26 женщин) и вогулы (2 мужчины, 3 женщины)⁵³, а по сведениям о национальном составе жителей этих юрт в 1936 г. (топоним употребляется в форме **Чуэльские**) их население записано как манси⁵⁴.

Нынешние Куриковы из теперь уже бывшей (ее смыло водой) деревни Чуели⁵⁵ живут в Полновате и считают себя хантами.

⁵² Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. С. 99.

⁵³ Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири... С. 38.

⁵⁴ Касум-Ёх. С. 68.

⁵⁵ О происхождении топонима см.: Дмитриева Т.Н. Коми компонент в топонимии бассейна реки Казым // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры: Сб. статей: В 2 т. Филология. Этнология. Сыктывкар, 1996. С. 71–72.

В заключение отметим, что рассмотренный в статье лингвистический, фольклорный и исторический материал еще раз показывает сложность и длительность формирования казымской территориальной группы хантов (по З.П. Соколовой, этот процесс завершился в XIX в.⁵⁶).

Исторические судьбы манси тесно сплетаются с историей хантыйского населения Казыма, поэтому неудивительно, что «мансийский след» на Казыме обнаруживается и в наши дни.

О.С. Смирнова

О происхождении и мотивации некоторых севернорусских терминов полеводства

В русских диалектах широко представлена терминология полеводства. Это явственно ощущается на фоне литературного языка, в котором количество полеводческих обозначений незначительно, ср. *залежь, зябрь, новь, пар, пашня, перелог, подсека, поле, целина*.

Цель статьи – установление ближайших этимонов некоторых севернорусских терминов полеводства и выявление их мотивировочных признаков. Материал извлечен из лексической картотеки Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (ЛК ТЭ) и диалектных словарей.

Установление ближайшего этимона в этой терминологической группе слов в большинстве случаев не представляет сложности: *вѣтошь* < *ветхий*, *пожѣга* < *пожечь*, *пал* < *палить* и др. Производящей основой таких терминов нередко оказывается глагол, указывающий на действия, осуществляемые на годахи разрабатываемом поле или на подготавливаемом к сельскохозяйственным работам участке в лесу: *запѣшка* ('часть поля, которую можно было продать') < *запахать*, *дрань* ('подсека') < *драть*, *валѣница* ('подсека') < *валить* (ЛК ТЭ). В рассмотренных случаях мотивирующие глаголы являются общенародными.

Полеводческие термины образуются также от диалектизмов, обозначающих земледельческие работы. Так, в значении 'расчищенное место в лесу для покоса или пахоты' зафиксирован термин *гѣйка* (ЛК ТЭ). Он является производным от глагола *гоить*, известного только в диалектах. Отношениями производности связан с данным глаголом и термин *гой-*

---

⁵⁶ Соколова З.П. Некоторые аспекты формирования казымской группы хантов. С. 72, 77; и др.